

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ ЩЕДРИНА

Статья Л. Аксельрод-Ортодокс

Было ли общее мирозерцание у Салтыкова-Щедрина или же вся его огромная критическая работа протекала без общего методологического начала, случайно, переходя от критики одной области к отрицательной критике другой? Решение этого важного вопроса имеет большое значение. Но решить его не так легко, как это может показаться с первого взгляда. С одной стороны, кажется совершенно ясным, что такая интенсивная, глубокая, напряженная и творческая критика общественных отношений, какой является сатира Щедрина, не может проходить без общей линии. Такая глубокая критика должна исходить из определенного идеала, являющегося критерием для оценки действительности. Его мысль проникает во все, говоря его любимым характерным словом, «подробности» социальной бытовой жизни. Щедрин творчески создает свой собственный язык, которым он четко характеризует социальные группы. Этот своеобразный язык остается не индивидуальным изобретением, но становится общим языком, запечатлевая социальные характеристики с такой силой выразительности, что все определения приобретают общее значение. Помпадур и помпадурши, Колупаевы и Разуваевы, Подхвалимовы и т. д. и т. д. становятся нарицательными названиями. И все эти характеристики отображают собою социальную сущность. Великий сатирик не смеется и не стремится смешить своих читателей. Странное утверждение Писарева, что Щедрин смеется ради смеха, лишено всякого основания.

Ему не до смеха, наоборот, каждый оборот, долженствующий с виду непосредственно вызвать смех, проникнут глубокой горечью, суровой серьезностью, требующими от читателя напряженной мысли и активного действия для борьбы с тем безобразием, которое сатирик обличает беспощадно. Следовательно очевидно, что без общего мирозерцания, без руководящего начала, без ясного убеждения, во имя чего ведется такая критика, последняя безусловно немыслима. Однако возможно и такое предположение. Не раз бывало в истории идеологии, когда отрицательная критика тех или иных общественных отношений не преследовала никакой положительной цели, не заключала в себе никакого положительного идеала, с точки зрения которого совершались данные критические отрицательные оценки существующего. Такая абсолютно отрицательная критика имеет место у скептиков и пессимистов. Скептик, пессимист, отрицатель подвергает критике все существующее с единственной целью во что бы то не стало доказать, что все существующее «гибели достойно». Принцип этого рода критики — это принцип Мефистофеля, выраженный довольно точно в словах:

Alles, was entsteht, ist wert.

Dass es zu Grunde geht

(«Все, что возникает, достойно гибели»).

Правда, в такой всеобщей отрицательной критике всегда заключаются элементы, действительно достойные полного отрицания, но эта революционная сторона пессимистического всеобщего отрицания случайна, так как она не вытекает из требований преобразования тех отношений, которые подвергаются критическому отрицанию. Другими словами, причины этой критики лежат не в рас-

смотрении и отрицательной оценке критикуемых элементов с точки зрения определенного идеала, а сводятся к общему недовольству всем существующим вообще, к так называемой мировой скорби.

Пессимист-отрицатель не питает ни малейшего интереса к вопросам и событиям текущей жизни, он относится к ним с высокомерным равнодушием, все ничтожно в этом наихудшем из миров, а потому пусть волнуются ограниченные люди, а мудрец-пессимист, познавший ничтожество всего существующего, остается в стороне, в лучшем случае является любопытным наблюдателем. Самой характерной чертой такого «глубокомысленного» отрицания является крайний эгоизм и ограниченность самого отрицателя. Исходный пункт — это собственная персона отрицателя. Его способно задеть и задает только то событие, которое имеет непосредственное отношение к его личной собственной жизни, которое затрагивает его собственные интересы. Иначе говоря, пессимист, абсолютный отрицатель, кто бы он ни был, является по существу обывателем.

Другое дело критика Щедрина. Салтыков — великий художник, обладающий всей необходимой творческой силой для создания цельных, единых художественных произведений. Что это несомненно так, могут служить убедительным подтверждением «Господа Головлевы» и кроме того все социальные типы его произведений вообще, без всякого исключения. Глубоко художественная отделка заметна и чувствуется в каждой строчке произведения великого писателя. Салтыков беззаветно предан литературе. Он живет и дышит ею, он с величайшей свободой орудует над своим материалом — словом, все данные для подлинного большого художественного творчества у Салтыкова налицо. Но Салтыков не идет по пути исключительно художественного творчества. Почему? Потому что его, как и Глеба Успенского, волнуют главным образом данные определенные общественные отношения. Салтыков не только великий писатель, а он по внутреннему своему существу общественник, горячий пламенный агитатор, общественная жизнь есть его личная жизнь, всякое политическое событие находит в нем живой отклик. Салтыков кровно связан со всеми текущими событиями дня. А потому Салтыков не мог найти полного удовлетворения в писании чисто художественных произведений, а должен был стать публицистом, реагирующим на события актуальные. При огромном художественном таланте, социальном мышлении, неистощимом остроумии, богатстве и творческой силе языка его социально-политические произведения выливаются в сатирическую форму. Сатирик изобрел незабываемый язык, которым он разоблачает всю гнусность и все безобразие русской действительности старого режима. Сам Салтыков выражает в нескольких словах общий смысл своей сатиры в известном письме к Пышину.

«Упрек в [смехе ради смеха, — пишет Салтыков в этом письме, — вышел в первый раз от Писарева и имел источником личное его враждебное ко мне чувство. С тех пор всякий, кто на меня рассердится, поднимает эту шутку, и так как эта шутка дешевая, то танцевать на ней можно сколько угодно. Если бы мне было доказано, что я предаю осмеянию явления почтенные или не стоящие внимания, я наверное прекратил бы деятельность столь идиотскую. Я, благодаря моему создателю, могу каждое мое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. Так например, градоначальник с фаршированной головой означает не человека с фаршированной головой, но именно градоначальника, распоряжающегося судьбами многих тысяч людей. Это даже не смех, а трагическое положение. Гулящие девки, которые друг у друга отнимают бразды правления, тоже едва ли смех возбуждают, то-есть могут возбудить его лишь в гоголевском мичмане... Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в писателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия». А затем характерны следующие строки из того же письма, относящиеся к взгляду на «Историю города». «Взгляд на мое сочинение «История города» как на опыт исторической сатиры совершенно не верен, мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее».

Мы видим в этом признании великого сатирика двояко важное утверждение. Во-первых, что деятельность без руководящего идеала есть «идиотская»; во-вторых, что

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

сатирика волновало больше всего настоящее. Каждое свое произведение Салтыков мог объяснить, против чего оно направлено. Это значит, что каждое произведение как в отдельности, так в общем все творчество великого писателя следовало определенным руководящим принципам. Каковы же эти принципы и где их источник?

Прежде всего установлена с полным основанием принадлежность молодого Салтыкова к кругу петрашевцев и личное знакомство Салтыкова с Петрашевским. Также известно увлечение Салтыкова утопией Фурье. Биографы сатирика рассказывают, что случайно попавшее в руки Салтыкова сочинение Фурье, приобретенное у букиниста, оказало сильное влияние на направление его общественной мысли. Разумеется увлечение утопическим социализмом Фурье само по себе не было случайностью.

Причина такого увлечения лежала не в том, что у букиниста нашлась интересная книга. Салтыков был подготовлен к восприятию социализма той эпохи. О сильном влиянии утопического социализма мы читаем в IV главе собственных воспоминаний Салтыкова «За рубежом»: «С представлением о Франции и Париже,—заявляет Салтыков,—неразрывно связывается воспоминание о юности, т. е. о сороковых годах. Да и не только для меня лично,—пишет Салтыков,—но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто легендарное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание». «Но,—читаем мы дальше,—разумеется не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж-Занд. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век находится не позади, а впереди нас... Словом сказать,—все доброе, все желанное и любвеобильное шло оттуда—сюда». Тут же рассказывает Салтыков о сильном влиянии статей Белинского на развитие его взглядов.

Салтыков примыкает таким образом к самому передовому течению общественной мысли. Полное выражение этого общего направления мы видим в его первых беллетристических повестях: в «Противоречиях» и «Запутанном деле». Большая повесть «Противоречия», являя собой слабое произведение с точки зрения художественной оценки, имеет весьма большое значение для характеристики и уяснения общественных принципов Салтыкова. Белинский дал весьма суровую оценку этой повести, назвав ее «иди-

отской глупостью». Такая суровая оценка гениального критика обуславливалась, во-первых, собственно художественным критерием. Повесть «Противоречия» отличается растянутостью, обычным стремлением молодого автора сказать все, что ему известно и что ему кажется известным по данной теме. Страдает по этой же причине и стиль и является неизбежное при излишней растянутости повторение определенных оборотов, причиняющих местами некоторую скуку. Во-вторых, Белинскому могла показаться глупостью материальная практичность героя повести Нагибина. В действительности же повесть «Противоречия» была чрезвычайно интересна и даже смела и оригинальна для того времени.

Чрезвычайно характерным является уже само небеллетристическое заглавие «Противоречия», которое автором вполне оправдывается. По своему внутреннему основному существу повесть трактует об общественных противоречиях—между богатством и бедностью, между трудом и праздным довольством, между обществом и личностью. Эти общественные противоречия воплощаются в психике, идейном содержании и мироощущении главного героя повести Нагибина и выражаются в его отношении к любимой девушке Тане. Нагибин—из мелкопоместных, бедных дворян, окончил университет шесть лет назад. Он в полном смысле этого слова интеллигент с развитым умом, с большими культурными запросами, интеллигент, зараженный идеологическим течением, господствующим в радикальной среде того времени. Будучи на «кондиции» у богатого помещика, он полюбил дочь последнего, пользуясь взаимностью. Героиня Таня готова на все, но Нагибин мучается в неразрешимых противоречиях и в конце концов допускает брак любимой им девушки с нелюбимым и пустым человеком. Пострадав мучительно в несчастном замужестве, Таня умирает и в предсмертной исповеди признается Нагибину, что все время жила только любовью к нему. Вот краткая фабула повести «Противоречия». Закрывающийся в ней конфликт прежде всего психологический: сильная, страстная, с цельной натурой женщина и слабый, рефлектирующий, нерешительный мужчина—конфликт, хорошо знакомый там по произведениям Тургенева (тут же конечно не следует забывать Онегина, Печерина и Бельтова). Но Салтыков не останавливается на психологии. Рефлексия, мучившая Нагибина, заставившая его отказаться от любимой женщины, непосредственно подсказана социальными противоречиями. Нагибин материально не обеспечен, а необеспеченное существование разрушает любовь, как бы сильна она ни была. «Любовь,—думает Нагибин,—по преимуществу чувство эстетическое», а потому она требует свободы, света и следовательно прежде всего материальной обеспеченности. Эти соображения Нагибина не имеют ничего общего с мещанскими требованиями семейной счастливой жизни; нет, «возможность любви не болезненной и односторонней, а такой, в которой организм человека участвовал бы всеми сторонами своими, есть уже верный признак, что человек нашел наконец окончательную высшую общественную норму, в которой все потребности его удовлетворены, в которой всякое стремление его не остается только отвлеченным, а есть действительная плоть и кровь» (стр. 28). Собственная рефлексия и личный конфликт Нагибина получают таким образом расширительное общее значение; в обществе, основанном на экономических противоречиях, истинное человеческое благо неосуществимо. Этот общий вывод—явно вывод социалистический, продиктованный учением утопического социализма и, в частности, произведениями Фурье. Можно следовательно заключить, что Нагибин является полным и последовательным приверженцем утопического социализма. Но это в действительности не совсем так. Подвергая резкой критике существующий порядок и социальное неравенство, признавая величие и благо социалистического общественного устройства, Нагибин не может стать целиком и полностью на точку зрения утопического социализма.

Реальная действительность служит для него «отправным пунктом», от которого, «идя шаг за шагом по горячим следам развития человечества», он пришел «к признанию другой действительности—действительности не только возможной, но непременно имеющей быть» (стр. 64). «И когда я,—говорит Нагибин (там же),—сопоставляю эти две действительности, столь между собой несходные, хотя и та и другая носят в себе

те же семена жизни, тогда я вполне несчастлив, тогда мне делается несносно и тяжело жить и невольно приходят в голову самые черные мысли». Под второй действительностью Нагибин понимает социалистический идеал. Но, как уже сказано, настоящего, беззаветного увлечения этой второй действительностью, т. е. социализмом, у Нагибина все же нет. В этом отношении решающее значение имеют и следующие весьма характерные мысли Нагибина: «Не сопоставляй,—говорит Нагибин,—я этих двух несовместимых друг с другом противоположностей, существуй для меня одно какое-нибудь из двух представлений действительности, я был бы вполне счастлив: был бы или нелепым утопистом вроде новейших социалистов или прижимистым консерваторм,—во всяком случае я был бы доволен собой. Но я именно по середине стою между тем и другим пониманием жизни, я и не утопист, потому что утопию свою вывожу из исторического развития действительности, потому что населяю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, имеющими плоть и кровь, и не консерваторм *quand même* [во что бы то ни стало], потому что не хочу застоя, а требую жизни, требую движения вперед. Это, если хотите, самый верный взгляд на вещи, но так как у меня отняли всякую возможность действовать в этом смысле, так как мне известно, что этот взгляд должен навсегда—по крайней мере для меня—остаться только взглядом и никогда не может быть приведен в действие, принять плоть и кровь, то и выходит, что я, отказавшись от утопии и отвернувшись от *status quo*, повис на воздухе между тем и другим и чувствую всю верность моих понятий о действительности, а между тем шага не могу сделать в ней, чтобы не споткнуться и не упасть» (стр. 64). Высказанные здесь взгляды Нагибина суть без сомнения взгляды автора. Утопия увлекательна как идеал будущего, но не вызывает истинного серьезного к себе отношения, потому что она не выведена «из исторического развития человечества». Настоящее имеет за собой историю, оно является ее результатом, в этом отношении оно вполне оправдано, но зато оставаться исключительно при нем—значит упорчивать застой и задерживать всякое движение вперед. Что же однако нужно для выхода из этого трагического конфликта? Требуется найти мост от настоящего к будущему, необходимо дать социалистическому идеалу историческое обоснование, необходимо найти в самой действительности силы и элементы, которые неизбежно ведут к осуществлению социализма.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «АКАДЕМИА», 1934 г.

Иначе говоря, Салтыков испытывает потребность в историческом научном обосновании «другой действительности», т. е. социализма.

Это требование, выраженное главным героем повести «Противоречия», разворачивается в теоретическом и систематическом виде в трех статьях, написанных Салтыковым в 60-х годах, найденных в архиве и не опубликованных до сих пор. В этих статьях Салтыков выступает не как художник, а как мыслитель-теоретик. Изложение мысли ведется строго, сухо, в полном смысле теоретически, с формально логической последовательностью. Сравнительно даже мало примеров, сравнительно мало щедринского остроумия. Словом, в стиле этих статей почти что нет ничего специфически «щедринского». Характерно также и то, что совсем отсутствуют цитаты и ссылки на авторитеты, что объясняется в общем тем, что мысль работает совершенно самостоятельно. Конечно Салтыков подвергался господствующим влияниям общественной и философской мысли. Но самостоятельность Салтыкова выражается в том, что автор этих статей ставит оригинальные и вполне законные для того времени проблемы. Проблемы, кровно его задевающие, суть социология и философия истории. Отправной пункт в постановке и развитии проблемы—это, как выразился Нагибин, действительность. Интересует и волнует автора в первую очередь разрешение практических задач, поставленных широко, а потому требующих теоретического обоснования.

Статья «Современные призраки» имеет своим главным предметом общую историческую идеологию: как отжившую, так и идеалы будущего.

Выше было сказано, что мысль автора развивается с формально логической стороны вполне последовательно, что обнаруживает в великом писателе-художнике строгого мыслителя. Но эта последовательность формальная. По содержанию вся статья в целом представляет собой запутанную сеть взглядов, в которой перекрещиваются различные точки зрения. Распутывать этот узел и подвергать критическому анализу всю статью не имеет в настоящее время никакого смысла. Что для нас важно—это уяснение общего направления философской и общественной мысли, искания теоретических основ и разрешения социальных и философско-исторических задач. Одной из проблем «Современных призраков» является проблема исторической смены идеалов. Салтыков стоит на точке зрения исторического развития. Все течет, все изменяется, а потому встает вопрос о ценности идеала вообще. Автор становится на историческую точку зрения. Всякая идеология есть выражение своей эпохи и своего времени, а потому всякий призраки имеет свою долю истины или, лучше сказать, всякий призраки есть истина, ограниченная в пространстве и во времени. Всякий призраки есть протест против другого призраки, дряхлого и не соответствующего потребностям жизни. Сверх того всякий призраки есть вместе с тем переходное звено для призраки прошлого и известного к призраки грядущему и неизвестному.

Смена исторических формаций и идеалов являет собой прогрессивное движение. Ибо всякий призраки все-таки приносит за собой большую против прежнего простоту и естественность отношений, а вместе с тем и некоторую частицу свободы. Это шаг не малый. История совершает свое движение в направлении свободы и все большего достижения истины, при чем история представляет собой закономерный процесс, обусловленный внутренней необходимостью. «Над человечеством,—читаем мы в той же статье,—тяготет фатализм, который однако ж совсем не есть фатализм в том смысле, как мы это слово понимаем, а просто подчинение тем законам, которые лежат в основании человеческой природы». Исторические законы, признаваемые с полной решительностью сатириком, сводятся в конце концов к законам человеческой природы. В этом важном пункте Салтыков следует общей социально-биологической мысли всех просветителей.

Но, с другой стороны, и тут мы читаем утверждение, противоречащее по существу только что приведенной мысли, что основой исторического процесса является человеческая природа. Мы читаем: «Следовательно, каковы бы ни были теории, они не могут ни повредить, ни пользу оказать, ни прибавить, ни убавить в этом естественном независимом от самого человека ходе вещей»; оказывается, что есть незави-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

симый от человечества ход вещей, следовательно независимый и от человеческой природы. Фактически общая идея объективной исторической закономерности проявляется в этой статье в различных оборотах мысли. А с идеей исторической необходимости связывается требование объективного отношения к общественной, традиционной мысли. Говоря об относительности нравственных понятий и бросая упрек моралистам, проповедывающим абсолютизм морали, наш автор заключает: «Да, надо поправить свои обстоятельства, а поправить их нельзя иначе, как посредством старого анализа тех понятий, в силу которых мы двигаемся и живем. Бояться здесь нечего; если понятия эти устойчивы сами по себе, анализ не убьет их, а только очистит и даст им еще большую крепость и силу; если же некоторые из них—болезненные плоды болезненного дерева, то анализ добьет их окончательно и избавит нас от смешной роли Дон-Кихотов, принимающих мельницы за рыцарей». Требование объективного научного отношения к общественным понятиям и идеям здесь налицо. Замечательно в этом смысле и другое место статьи. Касаясь «Отцов и детей» Тургенева, Салтыков ставит Тургеневу в упрек его субъективные оценки. Верно, прав Тургенев, что русское общество делится на два антагонистические лагеря отцов и детей, но не прав, высказывая свои симпатии отцам. «Здесь место не для симпатии, а для простого наблюдения». «Нужно брать факт, как он есть», а если не хватает достаточной степени разумения для настоящего постижения законности данных общественных конфликтов, то следует изображать, не рассуждая. Справедливо также осуждает Салтыков Тургенева за то, что он сделал Базарова жертвой дикой и слепой случайности. «Такого рода люди,—справедливо говорит наш автор,—погибают совсем другим образом». Каким именно образом—вполне понятно. Они при определенных обстоятельствах умирают в борьбе за идею. Совершенно неправильное и неясное разрешение знаменитого романа Тургенева также следовательно обусловлено субъективным отношением его ко всей ситуации действующих в нем лиц. Мы видим таким образом, что и в области художественного творчества сатирик требует объективизма, справедливо полагая, что непонимание художником сущности изображаемой действительности делает невозможными целостность и полноту художественной правды.

Пойдем дальше. Наиболее интересным в статье «Современные призраки» является критика социалистических утопий. Вполне разделяя идею социализма, Салтыков под-

вергает решительной критике метод и средства, какими пользуются утопические социалисты для пропаганды социалистических идей. Попытки конкретно изобразить будущее социалистического общества в чувственно-конкретных образах, как это имело место в социалистических утопиях, приводят, по убеждению Салтыкова, к отрицательным результатам. Полная противоположность социалистического строя в общественной жизни, основанной на социальном неравенстве, должна вызвать не положительное отношение к социалистическому идеалу, но отрицательное. В таком отрицательном отношении есть, по мнению сатирика, доля истины. «И в этом неблагоприятном результате будет своя доля справедливости, ибо втискивать человечество в какие-либо новые формы жизни, к которым не привела его сама жизнь, столь же неосновательно, как насильно удерживать его в старых формах, из которых выводит его история. Поэтому мне кажется, что так называемые утописты (в особенности Фурье и его последователи), доказавшие необходимость новых общественных оснований, поступили ошибочно, выводя этот вопрос из сферы отвлеченной и регламентируя все подробности его осуществления». Ясно, что Салтыков социалист, социалистическая форма общества есть «необходимость», которая доказана утопистами, но ошибки утопистов в том, что они исходят из «отвлеченного начала». Осуществление социалистического устройства общества требует определенной почвы. Критика утопического социализма совершенно правильная, и Салтыков в этой своей критике самостоятельно идет по историческому пути. Как великий художник и глубокий знаток русской общественной действительности своего времени, как публицист и сатирик, вникающий во все подробности реальной конкретной жизни, он не может признать реальности и действительной силы социалистических утопий, несмотря на полное сочувствие социалистическому идеалу, как таковому.

В этой же статье Салтыков выступает как крепкий, решительный революционер, горячо защищая революционный путь действия. Имея дело с царской цензурой, он выражает свою революционную точку зрения в несколько замаскированной форме. Необходимо, как заявляет Салтыков, категорически положить конец терпению: «Не терпеть приличествует, но ликвидировать». И также в этом случае Салтыков становится на историческую точку зрения. Настаивая решительно на «ликвидации», он заявляет: «История сама берет на себя труд отвечать на эти вопросы [вопросы, связанные с нетерпением]. Когда цикл явлений истощается, когда содержание жизни гибнет, история гневно протестует против всех увещаний. Подобно горячей лаве, проходит по рядам измельчавшего, изверившегося и исстрадавшегося человечества, захлестывая на пути своем и правого и виноватого. И люди, и призраки поглощаются мгновенно, оставляя вместо себя голое поле. Это голое поле представляет истории прекрасный случай проложить для себя новое и при том более удобное ложе». Так глубоко понимать силу и сущность революции и дать ей такую оценку может только настоящий революционер, революционер без всяких оговорок и мещанских соображений. Правда, после только что приведенных строк следуют оговорки: все сказанное должно, мол, служить предупреждением и стимулом к добровольной «ликвидации» всего существующего порядка вещей; «добровольное и полюбовное свержение старых идолов с их пьедесталов—дело не только не угрожающее обществу, но напротив того, упрочивающее его будущее». Такая оговорка несколько не уничтожает вышеприведенной мысли о сущности и необходимости революционного пути, ибо, во-первых, и в данном обороте сказано, что радикальный переворот все равно необходим; во-вторых, Салтыков, несмотря на свою связь с высшей бюрократией и быть может и благодаря этой связи, в революцию сверху или, как он выражается, в полюбовную «ликвидацию» не верил. В-третьих, приняты во внимание условия царской цензуры. А что Салтыков всегда имел в виду цензуру—в этом разумеется сомневаться не приходится. На первой странице «Современных призраков» мы читаем: «Понятно следовательно, что, приступая к такому деликатному сюжету, мы обязаны действовать с осторожностью и говорить больше обиняками. Добросовестный читатель оценит всю затруднительность такого положения». При анализе социально-политических взглядов

великого писателя всегда надо иметь в виду это именно «затруднительное положение».

Перейдем теперь к другим, уже упомянутым двум статьям, носящим заглавие «Наша общественная жизнь». И в этих статьях мы видим ту же революционную социалистическую мысль в ее общей форме. И в них Салтыков выступает как убежденный социалист и революционер, и в них подвергаются критике утопические методы и способы действия, и в них подчеркивается требование опираться на историческую, актуальную, конкретную действительность в деле проведения и осуществления социалистических задач.

И так же, как и в «Современных призраках», взгляды с точки зрения метода и целостности общего мировоззрения спутаны и часто противоречивы.

Но в этих статьях сильнее и отчетливее выступает вопрос об отношении социалистической теории к практике, идеала к действительности.

Значение практики выступает с большой отчетливостью. «Как ни почтенна истина сама по себе, действительная мера ее познается только тогда, когда она служит жизни» (подчеркнуто мною.—Л. А.).

С большим напряжением и со свойственной великому писателю серьезностью мысли он ищет связь между теорией и практикой, между революционно-социалистической мыслью и ее возможным осуществлением. Оторванность мысли от практического действия приводит к сектантству и к опустошению самого мышления. Нападая на замкнутость и сектантство, Салтыков в то же время несколько раз подчеркивает необходимость строгой и дисциплинированной организации практических деятелей. Говоря о сектантстве в отличие от дисциплины и организации, Салтыков пишет: «совсем иной характер представляет сектаторство, так сказать, высшей школы. Здесь (при сектантстве) организаторские способности равняются нулю и взамен того является безграничная способность расплываться и растворять все двери настежь. Здесь даже нет сектаторства в смысле организации, а есть одиночное сектаторство мысли, то горькое безнадежное сектаторство, которое делает человека чужим среди живого общества». Мысль, высказанная здесь,—глубокая и диалектическая. Сектантство, кажущееся с виду определенным и оформленным, оказывается на деле расплывчатым и бесформенным вследствие отрыва от действительной жизни, так как истинное оформление как в области политического действия, так и художественной может быть

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

дано только содержанием действительной жизни. Салтыков также хорошо понимает необходимость для практического осуществления социально-революционных идеалов действия масс. Но настоящей массы, способной на революционное действие, он фактически не видит. Он ее ищет, и в этих исканиях немало путаницы.

В конце концов практически действующей массой оказываются какие-то середняки, выполняющие директивы мыслящих инициаторов. Тут сказывается повидимому теория о роли критически мыслящей личности и ее влиянии на массу. «Если, с одной стороны,—читаем мы,—невозможно отрицать, что деятельность людей мысли необходима и плодотворна, что люди эти освещают человечеству путь и открывают для него новые законы жизни, то не следует отрицать и того, что огромное большинство их подмастерьев и учеников должно наконец убедиться, что оно совсем не способно к подобной роли, что присвоением ее себе оно только производит путаницу и вредит самому делу, которому предполагает служить, и что какой-нибудь Кроличков, рассматриваемый как философ и новатор, стоит 15 коп. серебром, тогда как, если смотреть на него как на расторопного малого, которого можно посылать за квасом, то ему быть может и цены не сыщешь».

Деление на критически мыслящую личность и практически действующую бессознательную массу сильно напоминает теорию Бруно Бауэра. Что Бруно Бауэр был хорошо известен Салтыкову, видно из повести «Запутанное дело». В этой повести упоминаются два раза Фейербах и Бруно Бауэр и упоминаются как известные авторитетные имена, популярные среди демократической интеллигенции.

Салтыков понимает, что деление на мыслящих мастеров и бессознательных подмастерьев есть своего рода аристократизм и потому он спешит, предвидя такой упрек, оговориться, что подобное разграничение подсказывается необходимостью дела. Как бы то ни было, после всех мучительных исканий Салтыков приходит к чисто меланхолическому, мелкобуржуазному решению практической задачи. Причина такого результата лежит в том, что в 60-х годах русский пролетариат находился на такой стадии развития, когда его историческая роль была скрыта и от сильных умов. Да и на европейском Западе историческую роль пролетариата видели и поняли лишь Маркс, Энгельс и Лассаль. Утопические социалисты разных оттенков, как известно, исторического значения пролетариата не понимали и свои программы строили на идеалистических основаниях. Тем естественнее было русским социалистам при тогдашней отсталости русского пролетариата увлекаться утопическим социализмом. Но Салтыков, как уже сказано,—глубокий и конкретный мыслитель. Он настойчиво требует конкретности. Твердить об общем отвлеченном идеале без конкретной действительной программы, вытекающей из конкретных условий,—это все равно как если бы адвокат, защищая своего клиента, ограничивался бы развитием той общей мысли, что преступление есть продукт несправедливого общественного устройства. Общая мысль несомненно правильная, но клиент остался бы при ее голом повторении без защиты. Как глубокий, гениальный, проницательный ум и как художник-реалист Салтыков понимает, что истинный идеал есть продукт исторического развития; для него совершенно ясна законность революции; он понимает, что осуществить социалистическую задачу может организованная масса; но, не видя действительного осуществителя — пролетариата, Салтыков останавливается на мелкобуржуазной теории «мыслящих личностей» и бессознательной толпы. Однако он неудовлетворен полученным результатом, и благодаря этому развитие его мысли в этом направлении сопровождается постоянными оговорками. В конечном итоге общественные убеждения Салтыкова напоминают собою конфликт Нагибина: такое же полное отрицание status quo, полное признание социалистического идеала, как такового, и полное несогласие с идеалистическими методами утопистов. Если бы Салтыков был только социальным мыслителем или вождем революционного практического течения, то такой конфликт мог привести к апатии и бездействию, но он — великий писатель, художник и гениальный, редкий в истории мировой литературы сатирик.

Глубоко убежденный в полной негодности и неизбежной смерти существующего по-

рядка и вполне уверенный в торжестве социализма, сатирик мог осуществить и осуществлять свою историческую задачу, беспощадно бичуя старый порядок.

Вникая во все обороты мысли печатаемых статей, следя за общей их тенденцией и принимая во внимание требование крепкой организации, действия масс, историзма, полной связи социалистической теории и социалистической практики, можно, я полагаю, притти к безошибочному заключению, что великий сатирик ищет научных основ социализма.

В заключение еще один вопрос, вопрос о типе общего направления философского мирозерцания Салтыкова.

Из данных статей ясно видно прежде всего полное отрицательное и даже насмешливое отношение к идеализму. Идеалист сравнивается с балетмейстером, который живет и движется в фантастическом царстве. Идеализм следовательно отвергается всецело. Судя по многим высказываниям и прежде всего по тому, что историческая закономерность сводится к человеческой природе, Салтыков был последователем Фейербаха. Он примыкал к тому философскому направлению, которое господствовало в радикальной интеллигенции 60-х годов. Далее, заметно несомненное влияние Гегеля. Во-первых, оно сказывается в постоянном подчеркивании исторических связей и в той философско-исторической мысли, что всякая система мысли есть выражение данной эпохи, составляя в то же время часть общей и полной истины, в направлении которой история совершает свое движение. В этом пункте четко сказывается влияние диалектики Гегеля.

Заметно также влияние системы Гегеля в рецензии, напечатанной Салтыковым на «Логике» Зубовского. В этой рецензии («Отеч. Зап.» 1847, т. LV, VI отд., стр. 21—22) явственно противопоставляется идеализму материализм. Во-вторых, Салтыков указывает, что силлогизм формальной логики в качестве метода добывания истины приводит к фантастическим выводам, так как вывод заключается в самой посылке, а посылка может быть совершенно неправдоподобной. В этой рецензии Иванов-Разумник («Салтыков», 1930, т. I, стр. 69—70) усматривает несомненное влияние «Системы логики» Дж.-Ст. Милля. Это соображение кажется весьма мало убедительным. Милль, как и вообще позитивизм, имел несомненное влияние на передовые круги русской общественности, но значительно позже. В 40-х и 50-х годах господствующим влиянием на радикальные круги интеллигенции было влияние Гегеля и левых гегельянцев, в особенности Фейербаха. Критика формальной логики в настоящей рецензии свидетельствует о несомненном воздействии на Салтыкова гегелевской критики формальной логики. Даже начало рецензии, в котором Салтыков заявляет, что «существуют еще люди с наивным убеждением, что логика может научить человека мыслить», совпадает с известным остроумным заявлением Гегеля, что изучение логики так же может помочь мышлению, как познание законов физиологии — пищеварению. Далее, влияние гегелевой диалектики и требование конкретной действительности и историзма проявляются во всех трех печатаемых статьях. Признание Салтыкова, что в молодости на него влиял Белинский, есть лишнее доказательство воздействия гегелевой диалектики. Повесть «Противоречия», помещенная в той же книжке «Отечественных Записок», что и рецензия, носит заглавие, которое по существующему мнению продиктовано влиянием Прудона. Но, как известно, Прудон сам следовал за Гегелем. Таким образом влияние Гегеля на Салтыкова ясно со всех сторон.

Гениальный социальный мыслитель непременно, критикуя силлогизм в своей рецензии, ядовито коснулся крепостного права. «Бедные жители Европы строят иногда силлогизм даже почище бедных жителей Полинезии. Нам случилось однажды слышать, как один господин весьма серьезно уверял другого, весьма почтенной наружности, но помирней, что тот должен ему повиноваться, делая следующий силлогизм: я человек, ты человек; следовательно ты раб мой. И смиренный господин поверил (такова ошеломляющая сила силлогизма) и отдал тому господину все, что у него было: и жену, и детей, и вдобавок остался даже очень доволен собою...»

Весьма интересно, что силлогизм ставится Салтыковым в связь с крепостным правом и может служить орудием для оправдания эксплуатации человека человеком.

Рецензия Салтыкова на книгу Зубовского свидетельствует, во-первых, об остром интересе молодого автора к вопросам философии. Во-вторых, в высшей степени характерно и показательно для Салтыкова то, что наряду с необычной широтой и глубиной его умственного кругозора он в этой ранней своей работе обнаруживает социологическую направленность мысли. По поводу рядового учебника логики он находит необходимым в блестящей форме коснуться величайшей социальной язвы России того времени — крепостного права. Наконец эта краткая рецензия подчеркивает тот вывод, что Салтыков ставил философию в связь с социальной практикой, понимая истинное значение философской мысли для общественной жизни.

Данная статья, посвященная общему вопросу изучения мировоззрения великого писателя-демократа, написана в связи с находкой в архиве трех его новых доселе неизвестных статей. Статьи эти — две хроники из цикла «Наша общественная жизнь» и «Современные призраки», предназначавшиеся очевидно для помещения в «Современнике» 1864/65 г., очень существенны для изучения мировоззрения Щедрина, в частности для изучения его философских взглядов. Все три статьи впервые публикуются в настоящей книге.